А.А. Паламарчук, С.Е. Федоров

КОНСТРУИРУЯ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АВТОНОМИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ДИСКУРСЫ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ[1]

В Европе раннего Нового времени параллельно развивались разнонаправленные дискурсы: универсалистский и партикуляристский; соответствующие дискурсивные практики не только видоизменяли сферу универсализации, но и требовали осмысления особой функциональной единицы, условно обозначенной как «территориальная автономия». К концу XVI в. соблюдение внешних границ и фиксированных привилегий феодальных автономий оставалось важным элементом внутренней организации композитарной монархии; однако гораздо более важными компонентами понятия «автономия» становятся локальный обычай, институты взаимодействия корпорации с верховной властью, а также история, традиции и состав самой корпорации.

Ключевые слова: *автономия, феодализм, монархия, государство, Англия, Тюдоры, Стюарты*

В современной литературе неоднократно говорилось о существовании[2] и параллельном развитии в равной степени востребованных обществом раннего Нового времени и при этом разнонаправленных дискурсов: универсалистского и партикуляристского[3]. Первый из них развивал идею общеевропейской христианской империи, второй создавал интеллектуальную основу для легитимации территориальных монархий в раннее Новое время. При взаимодействии два дискурса субординировались, обнаруживая тенденцию к взаимному использованию смыслообразующих доминант: формирующиеся таким образом дискурсивные практики не только видоизменяли сферу универсализации, связывая ее с преодолением внутренней разнородности территориального государства[4] и конституированием протонациональных, а позднее – национальных идентичностей, но и нуждались в осмыслении особой функциональной единицы, которую сейчас мы условно обозначим как «территориальную автономию», в большинстве случаев совпадавшую с автономией этнокультурной. Такие автономии объяснялись как локально консолидированные, основанные, с одной стороны, на поддержании, а с другой – на «ре-конструировании» территориальных и региональных общностей, а также связанных с ними идентичностей.

На каждом уровне «универсалистский» дискурс эксплуатировал хорошо известные со времен античности представления об империи как о территориально расширяющейся структуре, абсорбирующей (и в опре-

[1] Статья написана при финансовой поддержке СПбГУ (проект № 11515401 «Федерализм: идеи и практики в Британии и Германии XVII в.» и проект № 42346241 «Европейские монархии в раннее Новое время»)

[2] Работа А.А. Паламарчук выполнена при финансовой поддержке СПбГУ (грант 43925435 «Европейский корпоративизм XV–XVII вв.»)

[3] Федоров 2012.

[4] Паламарчук 2018.

деленной мере унифицирующей) ранее самобытные и обособленные *gentes*. При этом «партикуляристский» дискурс использовал интеллектуальные ресурсы средневековой концепции корпоративизма, развивающей идеи уникальности и самодостаточности внутренне интегрированной, но пространственно обособленной общины. Применительно к раннему и классическому Средневековью термин «автономия» является сугубо аналитическим и не относится к политико-правовому словарю эпохи. Но именно Средневековью суждено было стать временем становления и расцвета множественных автономий, территориальных и нетерриториальных; большинство из них изначально имели или приобрели корпоративный характер. Авторы не ставят цель подробно осветить путь становления и развития средневековых автономий. Речь пойдет о нескольких аспектах, важных в контексте тех интеллектуальных построений, которые будут осуществляться в раннее Новое время.

Первый аспект касается греческого концепта «автономии», который складывался из следующих четырех элементов. Он тесно соотносился с греческой концепцией *eleuteria* – свободы (противопоставления человека, рожденного свободным человеку, рожденному в рабстве; качества индивидуума могли переноситься на полис); буквально слово «автономия» означало «устройство жизни согласно собственным законам» и относилось не к индивидууму, а только к коллективному субъекту; «автономия» могла интерпретироваться как «независимость» от кого-либо; наконец, «автономия» возникала только в тех ситуациях, когда речь шла о системе взаимодействия между полисами, находившимися в состоянии конкуренции[5]. Термин «автономия» не являлся необходимым предикатом к существительному «полис» и возникал на страницах источников только в тех случаях, когда речь шла о системе взаимоотношений между полисом и гегемоном (лидером группы равных полисов или внешней политической силой, например, Персидским царством). Дж. Розих отмечает, что концепция «автономии» в греческом мире с момента ее появления в V в до н.э. была и оставалась преимущественно политической. Правовое измерение «автономия» впервые приобретает только в 377 г. до н.э. (т.н. декрет Аристотеля из Марафона, первый общий договор II Афинского морского союза)[6]. Рефлексия об автономии как о *политическом* конструкте[7] получит развитие только в XVI в., в связи с событиями Реформации и Аугсбургским религиозным миром, и особенно в XVII в. в трудах Иоганна Альтузия и Жана Бодена.

Второй аспект связан с унаследованным от поздней античности и развитым в средневековом каноническом и цивильном праве видением

[5] Rosich 2019: 19-20, 23.

[6] «Автономия» как значимый политический концепт в полной мере была разработана в «Истории» Фукидида (Фукидид 1981. Кн.1. 114, 115, 130 и др. В русском переводе термин «автономия» передается как «независимость» или «угодное им государственное правление»). Текст Фукидида Европа заново откроет лишь в XIV в. благодаря итальянским гуманистам. См. Pade 2006: 780-810.

[7] Hueglin 1999.

институциональной власти как иерархически организованной системы юрисдикций. Система нисходящих юрисдикций[8] делала потенциально возможным исключение определенных объектов (как персон, так и действий) из сферы применения той или иной юрисдикции. Юридической формой ттаких исключений были иммунитет, изъятие (латинские эквиваленты: более ранний и широкий по значению термин *libertas* и утвердившийся не ранее XII в. термин *exemptio*[9]. «Иммунитет» использовался преимущественно в светском феодальном праве, *exemptio* – главным образом в каноническом). Вслед за Б. Розенвайн подчеркнем, что эти термины, использовавшиеся в латинских источниках для фиксации самого факта передачи определенного объема юрисдикции, определяли форму явления в самом общем виде и не представляли собой единообразный в масштабах всей Европы институт, отражая лишь часть сложной системы распределения прав, привилегий и взаимных обязательств.

Особенность средневековых автономий (как и многих других явлений данного периода) состояла в том, что феодальная терминология дошедших до нас латинских документов на самом деле фиксировала статус сторон, но далеко не полностью описывала сущностную подоплеку и предысторию взаимодействия субъектов. Реальные объемы власти, основанной на неформальном авторитете, складывались из различных нередко еще дофеодальных (или не-феодальных) источников[10].

Таким образом, некорректным было бы воспринимать процесс становления средневековых автономий (реализуемый в даровании иммунитетов и свобод) как дисперсию некогда консолидированной «государственной» публичной власти (а если такая дисперсия возникала, как в случае распада Каролингской империи или королевства Вильгельма I в Англии, то распределение иммунитетных прав не было ее фундаментальной причиной)[11]. Подтверждение привилегий и дарование иммунитетных прав для средневековых монархов было, скорее, одним из каналов в механизме управления. Полицентризм и полиморфизм власти вообще был качественно присущ средневековой феодальной монархии.

Третий важный аспект – реалии средневекового права, в котором практики королевских и церковных судов и вырабатываемые в процессе их деятельности правовые нормы дополнялись широким спектром локальных обычаев (в данном случае под обычаем мы подразумеваем нормативную практику и неписанное право)[12]. Обычай был плотно укоренен в традиции и исторической памяти конкретной территориальной (бург, манор, графство, «свобода» и т.д.) или этнической общности; более того, он составлял важную часть коллективного самосознания кон-

[8] Паламарчук 2014.
[9] Rosenwein 1999: 4-5.
[10] Об этом рассуждает, в частности, С. Рейнолдс: Reynolds 1996.
[11] См., напр., рассуждения П. Фуракра: Fouracre 1995: 53-81.
[12] Д. Иббетсон выделяет три аспекта существования обычая в средневековой культуре: обычай как нормативная практика, обычай как неписанное право и обычай как оппозиция праву. См.: Ibbetson 2007: 151–175.

кретной общины. Исидор, отмечая превосходство писанного права (lex) над неписанным, писал: «обычай же есть право, установленное согласно нравам [народа]» (consuetudo autem est jus quoddam moribus institutum) (Lib.5., iii, 3)[13]. Ацо определял обычай как «неписанное право, нравами народа издревле введенное» (jus non scriptum moribus populi diuturnis introductum)[14]. Фиксация «обычая», проходившая в Европе на протяжении всех Средних веков в разных формах (запись «варварских правд» в раннем Средневековье, право бургов и марок в XI–XII вв., становление городских корпораций в XII–XIII вв., фиксация кутюм и фуэрос во Франции и Испании и др.) предполагала более четкую фиксацию внешних границ той или иной общности и, следовательно, определяла координаты ее взаимодействий в системе властных отношений. Словом, значительная часть средневекового права имела территориальный или этно-территориальный характер и, по мнению средневековых авторов, в определенной мере отражала «нравы» населявшего территорию народа.

К началу XVII в., до унии 1603 г., в «составной» (multiple) державе Тюдоров[15] сохранялись крупные территориальные автономии. Среди них можно выделить следующие категории: четыре автономии феодального происхождения со статусом палатината, привилегии которых были формально зафиксированы в период правления нормандцев и Плантагенетов. Это палатинат епархии Дарема, светская юрисдикция над которым принадлежала епископу Даремскому; палатинат епархии или со светской юрисдикцией епископа Илийского; палатное герцогство Ланкастер и палатное графство Честер, до 1535/6 г. входившее в т.н. Валлийскую марку. Палатинаты обладали собственной администрацией, повторявшей структуру администрации королевской (включала должность канцлера и канцлерский суд), графство Честер обладало собственным парламентом, герцогство Ланкастер – феодальным советом; а епископ Даремский – монетным двором). При этом палатинаты не были представлены в английской палате общин, а на их территории было ограничено действие предписаний (writs) судов общего права (За исключением т.н. placita coronae – обвинений в мятеже, измене, фелонии и связанных с ними действиях)[16]. Герцогство Корнуолл, старейшее из английских герцогств, имело особый статус коронного владения (dominium), а его титул был зарезервирован для наследника престола. Формально не являясь палатинатом, Корнуолл обладал многими схожими чертами, в т.ч. специфической администрацией и рядом привилегий.

Вторым комплексом феодальных владений, степень автономии которых была формально ниже, чем у палатинатов, были графства Валлийской марки (Глостер, Герифорд, Пемброк и Шресбери). Акт об ин-

[13] Isidore of Seville 2006: 117.
[14] Цит. по: Ibbetson 2007: 154.
[15] Далее мы ограничим наш анализ островом Британия; история формирования дофеодальных и феодальных автономий в Ирландии требует отдельного анализа.
[16] Кок определяет их, как преступления contra coronem et dignitatem. Coke 1809: 21-22.

корпорации Уэльса 1535/6 г. (17 Hen.VIII c. 26) принес ряд изменений в положение этих графств, до того момента обладавших регальными правами; вместе с княжеством Уэльс они были инкорпорированы в состав «имперских владений» английского монарха. Самой крупной автономией дофеодального происхождения был Уэльс (его часть, которая лежала за пределами Марки); статус Уэльса как автономного княжества, подвластного английскому монарху, определялся Раддланским статутом 1284 г. (при этом внутри княжества разделялись две юрисдикции – Северный и Южный Уэльс с соответствующими юстициариями).

Наконец, нужно упомянуть автономии, располагавшиеся на островах Ирландского моря и Ла-Манша: королевство острова Мэн, главой которого являлся английский король, коронные владения на островах Джерси, Гернси и Уайт. На континенте последним знаковым анклавом английских владений был город Кале.

Помимо формализованных автономий в границах владений английского монарха выделялись две культурно-исторические зоны «пограничья»: пограничье Англии и Уэльса (не сводившееся к фиксированным границам Марки) и пограничье Англии и Шотландии – комплекс феодальных «свобод» и «франшиз» на территориях Нортумберленда и Камберленда, где действовало «право пограничья», а контроль английской короны был весьма условным. (После Унии 1603 г. Яков I будет настойчиво использовать по отношению к территориям английского и шотландского пограничья умиротворяющий термин «Срединные графства» (Middle Shires)[17]). Понятие «Западный полуостров» или «Западные земли» включало в себя не только формально автономный Корнуолл, но и графство Девон. Противопоставление склонных к мятежу и беззаконию «северян» жителям столицы и центральной Англии обострилось в период войны Роз и сохранялось еще долгое время[18].

Уже в историографии второй половины XIX в. возникло мнение, согласно которому феодальные автономии постепенно утрачивают свои реальные привилегии к исходу Средневековья, а Тюдоры наносят им ряд весомых ударов. Наиболее одиозным событием в этой картине нередко представляется уже упомянутая инкорпорация Уэльса и графств Марки Генрихом Тюдором. Помимо этого, в 1535 г. парламент принимает «Акт о юрисдикции в свободах» (Jurisdiction in Liberties Act, 27 Hen.8. c.24), значительно расширявший королевскую юрисдикцию внутри свобод и франшиз (данный акт был частью кампании против монастырей). В 1572 г. Елизавета Тюдор упраздняет палатный статус епархии Гексама, который становится частью графства Нортумберленд (14 Eliz.I c.13).

Объем вопросов, находившихся в ведении локальной администрации, оставался существенным, а интенсивность судебной, административной и экономической деятельности была значительной[19]. Процесс

[17] См., напр., речь 1609 г.: The Political works of James I 1918: 311.
[18] Goodman 1981: 224-246.
[19] Thornton 2001; Ellis 1986; Cooper 2003.

инкорпорации Уэльса и графств Марки превратил внешние границы региона в более проницаемые, способствуя созданию одной обширной территориальной корпорации, позволившей обеим сторонам обновить условия феодального контракта. Активное взаимодействие верховной власти с автономиями способствовало развитию и расширению прерогативных полномочий короны, позволявших уравновешивать влияние тех административных институтов, которые функционировали на основе общего права. Уже в эпоху ранних Тюдоров верховная власть уделяет пристальное внимание вопросам поддержания и функционирования локального права внутри автономий; монарх одновременно выступает и в качестве гаранта существующих «обычаев», и совершенствует их. Так, «право Пограничья» активно дополняется Тюдорами (1533 – Генрих VIII, 1549 – Эдуард VI, 1553 – Мария, 1563, 1596 – Елизавета I)[20]; два региональных совета – Совет Севера и Совет Уэльса – получают разрабатываемые Тайным советом инструкции, регулировавшие, в том числе, и способы сочетания в судебной процедуре и практике локального «обычая», королевской прерогативы и общего права. Корона активно занимается институциональным строительством, учреждая региональные советы (уже упомянутые Совет Севера и Уэльса, а также просуществовавший лишь десять лет совет Западных частей королевства; продолжал функционировать и Ученый совет герцогства Ланкастер).

Все эти обстоятельства подводят к мысли о заинтересованности верховной власти не столько в унификации этнокультурного ландшафта, сколько в управляемости автономий и создании/воссоздании каналов диалога и компромисса. Внутренняя структурная неоднородность тюдоровской и раннестюартовской монархии при ограниченных ресурсах применения насилия правящей династией оказывалась залогом устойчивости всей системы властных отношений[21]. Сама по себе централизация и унификация инструментов управления не мыслилась в качестве единственно возможного блага, а политика короны по отношению к автономиям (и кажущееся их ограничение) современникам представлялась как упорядочение принципов подчинения английскому монарху держаний с различным статусом. Конструирование автономий, тем не менее, не сводилось исключительно к практической инициативе верховной власти. Акторами конструирования автономий и региональных идентичностей могли выступать разные группы: центральные и локальные элиты, верховная власть, институты, религиозные общины и движения и т.д.[22]

Конец XVI – первая половина XVII в. отмечены появлением локально ориентированных нарративов[23]; в большинстве случаев их авторы были тесно связаны (происхождением или должностными обязанностями) с теми сообществами, которые были объектами их внимания. На-

[20] Leges Marchiarum 1747: 45-117.
[21] Федоров, Паламарчук 2020.
[22] Nuñez 2000: 123.
[23] The Vale-Royall of England 1656.

пример, Р. Керью, автор «Описания Корнуолла»[24] предлагает читателю альтернативную, корнуолл-ориентированную версию заселения Британии. Название Корнуолл он выводит от Коринея, кузена Брута; этот Кориней, высадившись в Плимуте, сразился с гигантом Гогмагогом и сбросил его со скалы в море, получив в награду землю. Затем, рассуждая о правдоподобности мифов о заселении Британии, Керью замечает: если уж признавать легенду о Бруте заслуживающей внимания, то следует признать и то, что он высадился, не в Дувре, а в городке Тотнес (совр. Девон), а значит, история заселения Британии начинается в Корнуолле.

В исторической мысли обретает новое звучание концепция «Гептархии» – семи саксонских королевств, из которых впоследствии образовалось английское королевство. Впервые эта концепция была озвучена в XII в. Генрихом Хантингтонским[25]; в XVI в. Уильям Ламбард, выдающийся юрист, антиквари и один из творцов англо-саксонизма, вновь сделал ее достоянием интеллектуалов. При этом Ламбард, много лет посвятивший юридической практике в графстве Кент, не только заслужил у потомков титул «отца локальной истории», но и настаивал, что этнокультурное своеобразие того или иного региона определяется спецификой доминировавшего там права. «Каждая страна [Гептархии], – пишет он, – имеет свои собственные законы и обычаи, и образ жизни, и никто не может сомневаться, что эти народы... имели собственные правила, порядки и институты. Среди них самые известные те, что нашими древними авторами названы датскими законами, уэссекскими и мерсийскими законами; первые были принесены данами, вторые бытовали среди западных саксов, третьи – в королевстве мерсийцев»[26].

У. Смит, автор нарратива «Королевская долина»[27], посвященного реконструкции локальной истории палатного графства Честер, практически полностью опирается на хорошо известные «Хроники» Рафаэля Холиншеда. Но если Холиншеду история Британии видится как протяженное во времени собирание территорий и династий в единое целое, как демонстрация континуитета монархической власти над рожденным из разнородных частей королевством Англия[28], то Смит применяет тот же принцип на локальном уровне, к истории конкретной автономии. Меняется ее статус и даже название (королевство Мерсия – герцогство Мерсия – графство Честер – Палатинат); линия преемства 22-х королей Мерсии сменяется чередой вассалов Вильгельма Завоевателя, однако сохраняется континуитет институтов власти, административная организация и локальные привилегии, творящие территориальную целостность.

Д. Додридж, создавая краткую «Историю древнего и нового состояния княжества Уэльс, герцогства Корнуолл и графства Честер»[29] акцен-

[24] Carew 1769: 1-3.
[25] Генрих Хантингтонский 2015:101-132.
[26] Lambarde 1596: xiv-xvi.
[27] The Vale-Royall of England 1656.
[28] The Oxford Handbook of Holinshed's Chronicles 2013: 336-337.
[29] Dodridge 1630.

тирует внимание на том, что три этих автономии образуют титулатуру наследника английского престола, их земли – основа королевского домена и, что особо отмечает автор, источник дохода и благосостояния династии. Вместе с этим именно монаршая воля, выраженная в даровании привилегий и закреплении статуса автономий по отношению к прочим землям королевства, становится залогом и основой их существования. Вновь отметим концептуальное соответствие: восприятие королевской власти как организующего и упорядочивающего начала для государства было характерно для антикварных и правовых нарративов, рассматривавших историю потестарных институтов в общеанглийском масштабе.

К концу XVI в. в восприятии автономий произошло заметное смещение акцентов, которые были характерны для классического средневековья. Соблюдение внешних формальных границ и фиксированных привилегий феодальных автономий оставалось важным элементом внутренней организации композитарной монархии. В раннее Новое время гораздо более важными компонентами понятия «автономия» становятся локальный обычай, институты взаимодействия корпорации с верховной властью, а также история, традиции и состав самой корпорации.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Генрих Хантингтонский. История англов. Пер. С.Г. Мереминского. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 591 с. [Genryh Hantingtonskij. Istorija Anglow. Per. S.G. Mereminskogo. Moskwa: Universitet Dmitrija Pozarskogo. 2015. 591 s.].

Паламарчук А.А. Композитарная монархия и правовой полиморфизм в раннестюартовской Англии: к постановке проблемы // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2018. № 1(65). [Palamarchuk A. A. Composite Monarchy and Legal Polymorphism in Early Stuart England: a Problem Statement // Istotiya-Electronnyi Nauchno-obrazovatelnyi zhurnal. 2018. № 1(65).].

Паламарчук А.А. Юрисдикция и методы ее регулирования в системе судебных институтов раннестюартовской Англии // Электронный научно-образовательный журнал. История. 2014. Вып. 10 (33) [Palamarchuk A. A. Jurisdiction and Its Regulation in Early Stuart England Legal System // Istotiya-Electronnyi Nauchno-obrazovatelnyi zhurnal.2014. № 10 (33).].

Федоров С.Е. Универсализм vs этноцентризм: империя и монархии к исходу средних веков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. №6. С. 176-189. [Fyodorov S.E. Universalism vs etnozentrism: imperija I monarhii k ishodu srednih vekow // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenije. 2012. №6. S. 176-189.].

Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждения о формуле власти // Средние века. 2020. Т. 81. Вып.1. С. 21-30. [Fyodorov S.E., Palamarchuk A.A. Rassuzhdenija o formule vlasti // Srednie veka. 2020. T. 81. Vyp.1. S. 21-30.].

Фукидид. История. Л.: Наука, 1981. 543 с. [Fukidid. Istorija. Leningrad: Nauka, 1981. 543 s.].

Carew R. The Survey of Cornwall. London: Printed for B. Law, 1769. 365 p.

Coke E. The Second Part of the Institutes of the Laws of England. L.: Clarke and Sons, 1809. 388 p.

Cooper J.P.D. Propaganda and the Tudor State. Political Culture in the Westcountry. Oxford: Clarendon Press, 2003. 285 p.

Dodridge J. The History of the Ancient and Modern Estate of the Principality of Wales, Dutchy of Cornewall and Earldome of Chester. London: Printed by Tho. Harper, 1630. 142 p.

Ellis S. Crown, Community and Government in the English Territories, 1450–1575 // History. Vol. 71. № 232. 1986. P. 187-204

Fouracre P. Eternal Light and Earthy Needs: Practical Aspects of the Development of Frankish Immunities // Property and Power in the Early Middle Ages. New York, Cambridge University Press, 1995. P. 53-81.

Goodman A. The War of the Roses. London and New York: Routledge, 1981. 298 p.

Hueglin Th. O. Early Modern Concepts for a Late Modern World: Althusius on Community and Federalism. Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 1999. 265 p.
Ibbetson D. Custom in Medieval Law // The Nature of Customary Law. Legal, Historical and Philosophical Perspectives. / Ed. by A. Perreau-Saussine and J.B. Murphy. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 151–175.
Isidore of Seville. The Etymologies of Isidore of Seville / Ed. and transl. by S. A. Barney, W.J. Lewis, J.A. Beach, O. Berghof. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 489 p.
Lambarde W. A perambulation of Kent: conteining the description, hystorie, and customes of that shyre..First published in the year 1576, and now increased and altered after the authors owne last copie. London: By Edm. Bollifant, 1596. 588 p.
Leges Marchiarum, or Borderlands… London: printed for M. Hamilton, 1747. 330 p.
Nuñez X.M. Autonomist Regionalism within the Spanish State // Identity and territorial Autonomy in Plural Societies. Ed. by W. Safaran and R. Màiz. London: Frank Cass, 2000. P. 121-141.
Pade M. Thucydides Renaissance readers // Brill's companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos and A. Tsakimakis. Leiden, Boston: Brill, 2006. P. 780-810.
Reynolds S. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford: Clarendon Press, 1996. 560 p.
Rosenwein B. Negotiating Space: Power, Restraint and Privileges of Immunity in Early Medieval Europe. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 354 p.
Rosich G. The Contested History of Autonomy: Interpreting European Modernity. London, New York: Bloomsbury Academic, 2019. 258 p.
The Oxford Handbook of Holinshed's Chronicles / Ed. by P. Kewes, J. Archer and F. Hill. Oxford: Oxford University Press, 2013. 771 p.
The Political works of James I / Ed. By C.H. McIlwain. Vol.1. Cambridge: Harvard University Press; London: Humphrey Milford, 1918. 354 p.
The Vale-Royall of England, or, The County Palatine of Chester Illustrated… Performed by William Smith, and William Webb, Gentleman; published by Mr. Daniel King. London: printed by J. Streamer, 1656. 493 p.
The Vale-Royall of England, or, The County Palatine of Chester Illustrated… Performed by William Smith, and William Webb, Gentleman; published by Mr. Daniel King. London: printed by J. Streamer, 1656. 493 p.
Thornton T. Fifteenth-century Durham and the Problem of Provincial Liberties in England and the Wider Territories of the English Crown // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 11. 2001. P. 83-100.

Паламарчук Анастасия Андреевна, *доктор исторических наук, доцент, кафедра истории средних веков, Институт истории, СПбГУ,* ***e-mail:*** *a.palamarchuk@spbu.ru*

Федоров Сергей Егорович, *доктор исторических наук, профессор, кафедра истории средних веков, Институт истории, СПбГУ, e-mail: s.fyodorov@spbu.ru*

Constructing Medieval Territorial Autonomies: the Early Modern Reality and Discourses

Two divergent discourses, universalistic and particularistic, were simultaneously developed in Early Modern Europe. Corresponding discursive practices not only transformed the space of universalization, but also required conceptualization of a special functional unit conditionally termed here as a territorial autonomy. By the late 16th century observance of external formal boundaries and formalized privileges of feudal autonomies remained an important element of the internal structure of the Early Modern composite monarchy. Nevertheless, local customs, institutes, securing the interaction between a corporation and supreme power, local history, and traditions as well as the structure of a corporation itself became a more important component.

Keywords: *Autonomy, Feudalism, State, Monarchy, the Tudors, the Stuarts, England*

Sergey E. Fyodorov, *Dr. Sc. (History), Professor, Medieval History Department, Institute of History, St. Petersburg State University,* ***e-mail:*** *s.fyodorov@spbu.ru*

Anastasia A. Palamarchuk*, Dr. Sc. (History), Assistant professor, Medieval History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, e-mail: a.palamarchuk@spbu.ru*